

ЭВОЛЮЦИОННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛАЧА

© Розов Н.С.

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук
(ИФПР СО РАН), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ)
Новосибирск, Россия,
nrozov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

В статье обсуждаются проблемы эволюционного происхождения, а также функциональности или нефункциональности человеческого плача и смежных феноменов (рыданий, слез, депрессивных состояний, отчаяния). Показано, что плач специфичен для нашего вида, хотя некоторые сходные явления у высших млекопитающих указывают на древнейшие ингредиенты этой поведенческой структуры в дочеловеческом прошлом. Показана ограниченность простейших объяснений плача как выражения эмоций и психологической разрядки. Проведен критический анализ концепций механизма плача, его глубинных причин, плача как «протеста против речи и культуры». Плач как общая для всех человеческих популяций поведенческая структура со своей генетической основой, появился и развивался у гоминин на определенных этапах антропогенеза. Показана роль широко обсуждаемых в теории антропогенеза совместной интенциональности, самоодомашнивания, педоморфизма. Реконструированы основные типовые ситуации и ингредиенты появления этой структуры, построена модель ее функциональности, объяснены половые различия.

Ключевые слова: плач, слезы, рыдания, депрессия, происхождение плача, антропогенез, палеопсихология, эмоциональные состояния, совместная интенциональность, самоодомашнивание

Никто больше так не плачет

Плачут ли животные? Эд Вингерхоэтс, автор одной из лучших книг о природе плача и организатор обширного проекта кросскультурных исследований в этой сфере, отвечает методологически корректно: как определим «плач», такой и будет ответ [11, с. 16]. Жалобные крики о помощи, особенно со стороны детенышей, призывающих мать, есть у множества видов. Далее под плачем будем иметь в виду произвольное – не регулируемое или слабо регулируемое сознательной волей – поведение с чувствами разного типа дискомфорта (телесного страдания, боли, беспомощности, горя, отчаяния), выражаемое в рыданиях, всхлипываниях, прерывистом дыхании, с блокированием или частичным нарушением речи, часто сопровождаемое слезами.

Трудно отрицать волю у некоторых домашних животных, например, у собак, которые источают слюну, глядя на лакомство, но не прикасаясь к ней, пока не дана разрешительная команда. Если бы в такой ситуации вдруг у собаки прорвалось не просто жалостное скуление, но что-то схожее с непреодолимой истерикой, то пришлось бы сделать исключение. Сами по себе слезы, будь то крокодиловы или коровьи, также не позволяют говорить о плаче у животных. Наконец, поскольку затруднительно говорить о сознании и речи у животных, плач, согласно данному определению, – уникальное достояние нашего вида. Уже Аристотель считал плач характерным только для человека, и это тот случай, когда нет смысла и резона оспаривать почетную традицию.

«Таким образом, плач среди животных, если он вообще существует, – явление крайне редкое. Однако это не значит, что у других животных нет возможного «гомолога» поведения, выполняющего ту же функцию. В данном случае гомолог – это поведение, которое не обязательно имеет какое-либо сходство с человеческим плачем, но выполняет сходную функцию – привлекает внимание и вызывает поведение заботы» [11, с. 19].

Младенцы и малые дети до обретения речи, сознания и воли, конечно же, плачут, а нередко попросту «режут» и «орут» (причем в первые недели – без слез). Эти реакции, возникающие обычно на расставание с матерью, на физиологический дискомфорт, на опасность, с функцией обратить на себя внимание и воззвать тех, кто позаботится, структурно близки к подобным сигналам детенышей у других видов.

«Когда дети голодны или испытывают какое-нибудь страдание, они громко кричат, подобно детенышам большинства других животных, отчасти призывая родителей на помощь, а отчасти потому, что всякое большое усилие приносит облегчение» [1, с. 158].

«В целом, у всех млекопитающих есть свои особые способы привлечения внимания и завоевания симпатии. Для выживания всех довольно беспомощных детенышей чрезвычайно важно иметь возможность (при их ограниченных возможностях) получить от других – особенно от родителей – пищу, кров, защиту и помощь в устранении источников боли» [11, с. 19].

Нас будет интересовать не этот «естественный», а именно прорывающийся произвольный плач как феномен, эволюционно появившийся вместе с тем барьером – сознательным контролем своего поведения, речи, издавания звуков, дыхания, – через который он прорывается.

Сложность проблемы эволюционного объяснения плача видна уже в том, что обычно проницательный Дарвин в данном случае ошибся. Будучи уверен, что все виды поведения и физиологические процессы, не выполняющие важных адаптивных функций, должны были исчезнуть в ходе эволюции, Дарвин посчитал плач случайным побочным следствием, польза которого

лишь в том, что слезы почему-то облегчают страдание.

«Хотя согласно этому взгляду, мы должны рассматривать плач как случайный результат, столь же бесцельный, как и выделение слез от удара, попадающего не в глаз, или как чихание от действия яркого света на сетчатку, все-таки нам не трудно будет понять, каким образом выделение слез служит облегчением страдания. И чем сильнее или истеричнее плач, тем большим будет облегчение, – опять-таки в силу того же самого принципа, по которому корчи всего тела, скрежет зубов и пронзительные крики приносят облегчение при мучительной боли» [1, с. 159].

Плач не стал столь популярной исследовательской темой, как смех, но все же появилось несколько концепций от самых абсурдных (чтобы не сказать глупых) до более или менее правдоподобных. Разумеется, в разных дисциплинах плач рассматривают и объясняют исходя из соответствующих базовых представлений и парадигм. Достаточно упомянуть такие объяснения как выход эмоциональной энергии, способ преодоления стресса, поведенческое закрепление благодаря полученной пользе, поддержание связи между человеком и объектами привязанности, укрепление социальных связей, снижение агрессии, выражение моральных чувств. Содержательные и структурированные обзоры можно найти в книгах [6, с. 3-14; 11, с. 23-28].

В человеческих культурах наблюдается обширное разнообразие правил, касающихся того, кому, в каких ситуациях, в какой форме предписывается или запрещается плакать и рыдать. Однако это не отменяет универсального распространения самого феномена плача у всех рас и народов. Инстинктивность, бессознательность, произвольность как безудержных рыданий, так и тихих слез, указывают на древнее происхождение плача.

Выражение эмоций? Способ разрядки?

Такие простые и первые приходящие в голову объяснения плача только отчасти могут считаться адекватными. Слишком много разных эмоций вызывают плач, кроме того, он может быть вызван болью, физиологическим дискомфортом или удручающими мыслями. Не всякий

плач и не всегда дает разрядку. Требовательный плач детей и истерический плач невротиков не столько успокаивают нервную систему, сколько приводят к еще большему напряжению, особенно при отсутствии ожидаемой реакции, а могут даже «расшатывать нервы». В разном возрасте люди плачут очень по-разному.

«Невозможно классифицировать различные типы плача, составляя длинные списки эмоциональных причин, по которым люди плачут в разном возрасте. В итоге получается набор пересекающихся чувств, образующих множество бессмысленных и нечетких категорий» [6, с. 7].

Способов выражения эмоций и получения разрядки довольно много: люди топают ногами, машут руками, ругаются, применяя обценную лексику, могут кидаться предметами, рвать на себе волосы, биться головой об стену, «уходить в ночь холодную», напиваться, наконец, драться

с обидчиками или применять насилие к любому попавшемуся под руку.

Любые такого рода действия могут совершаться в аффекте и в разной степени подчиняться волевому контролю. Однако плач «прорывается», «возникает сам по себе» подобно зевоте, икоте, смеху, сексуальному возбуждению, оргазму. Именно эта специфика требует эволюционного объяснения, поскольку психологические, социологические и культурные интерпретации здесь недостаточны или даже нерелевантны [6, с. 10].

Механизм возникновения и динамики плача

Эд Вингерхотс представил разумную схему такого механизма, позволяющую развешивать и конкретизировать ее в разных направлениях (рис. 1).

Рис. 1. Когнитивно-эмоциональная модель, согласно которой характер и интенсивность эмоций определяются оценкой ситуации. «Наша оценка и интерпретация объективных ситуаций является ключевым фактором, определяющим наши эмоции и их выражение» [11, с. 6].

В предложенной Вингерхотсом схеме все главные компоненты и связи между ними, в общем, правильно обозначены. Претензия состоит лишь в отсутствии отображения специфики феномена. Действительно, подставим в схему вместо «плача» – «топанье ногами», «битье посуды» или «матерную ругань», станет ли схема от этого менее верной и убедительной?

Клинический психолог Джудит Нельсон предложила «теорию привязанности» (attachment theory), согласно которой плач вызывается любыми потерями людей, вещей, ситуаций, к которым был сильно привязан. При расширении понятия «привязанность» любое кардинальное изменение в жизни, даже в лучшую сторону (замужество, получение наследства), отменяет,

«забирает» что-то важное из прежней жизни, а значит также оказывается потерей, может поэтому вызвать плач и/или слезы.

Краткий перечень основных причин плача в схеме Вингерхютса (рис. 1) практически воспроизводит результаты рассуждений Нельсон. Сама она не пишет об эволюционном происхождении плача, ее как клинического психолога–практика больше интересует плач в раннем детстве и последующих возрастах. Нетрудно здесь увидеть общий для психоанализа тип рассуждений. Младенцы и дети младшего возраста действительно больше всего страдают от покинутости – когда их надолго оставляет взрослый опекун и кормилец (обычно мать). Затем привязанности распространяются на другие объекты, а их потеря вызывает плач – ту же детскую реакцию, по сути дела.

Теория привязанности содержательна, достаточно обоснована, допускает развитие в разные стороны. Некоторые ее компоненты будут использованы и развиты ниже. В этой теории есть явные натяжки (ведь все причины плача необходимо подвести под «потерю» и «расставание»), но они исправимы, если расширить базовые понятия. Основным недостатком теории является отсутствие эволюционного объяснения. Поскольку склонности к прорывающимся плачу и слезам явно врожденные и имеют генетическую основу, без эволюционного подхода не получить полноценного объяснения этого феномена.

А.Г. Козинцев объясняет смех и плач как «смещенную активность» – некое игровое ритуальное «антиповедение», направленное против давления, норм, ограничений культуры и речи. То, что прорвавшийся плач прерывает и блокирует речь (как и безудержный смех), является для Козинцева аргументом пользу такой освобождающей антикультурной функции.

«Как мы полагаем, смех, плач и зевота стали эффективными механизмами защиты против стресса, вызванного речью и культурой. Временно подавляя речь и «отменяя» культуру, они предотвращали неврозы и обеспечивали социальное единство путем возврата с эволюционно

нового речевого уровня общения на более древний и глубокий – бессознательный, доречевой уровень» [2, с. 164]

В данном итоговом тезисе концепции Козинцева с некоторыми пунктами нельзя не согласиться. Действительно, плач и смех:

1) способствуют социальному единству участников таких совместных реакций,

2) нередко служат эмоциональной «разрядкой», а значит, в какой-то мере снижают стресс,

3) прерывают и подавляют речь вследствие непроизвольной нервно-мышечной доминанты в дыхательных путях,

4) явно имеют древнее происхождение – до времени полного развития языка, сознания, культуры.

При этом, ядро концепции – временная «отмена» речи и культуры, «протест» против них – очень слабо аргументировано, противоречит приводимым Козинцевым примерам, ведь все традиции плача и смеха органично вплетены в местные культуры.

Концепция Козинцева явно навеяна до сих пор модной среди гуманитариев концепцией «карнавала» М.М. Бахтина и идеями «антиповедения» (выхода на границы и культуры) у Ю.М. Лотмана. Все такие теории трактуют культуру с внутренней конфликтностью (что было явлено в средневековых карнавалах) и культуры модерна. Для концепций такого рода как раз характерна тема и поза «отвержения», «преодоления» культуры, романтические идеи возврата в «доклассические», даже в бессловесные времена с якобы непосредственным пониманием Бытия, якобы свободные от последующего пагубного давления со стороны норм культуры и цивилизации¹.

Тезис об «отмене» противоречит всей толще знаний о самых древних, устойчивых культурах, в том числе известных культурах охотников-собирателей. Никаких признаков «протеста» против своей речи, своих мифов, обычаев, порядков в таких культурах не замечено.

¹ Историю идей этого типа можно проследить от Руссо и мистической ветви романтизма до Хайдег-

гера, радикальных «зеленых» и прочих радетелей неиспорченной «исконности».

Несчастье и блокированное действие – исконное сочетание

О многом говорят универсальность, непроизвольность и неискоренимость плача, несмотря на его «бесполезность» (по Дарвину) и социокультурное давление против плача (особенно для мужчин, а в некоторых культурах – для близких родственников при похоронах). Плач – одна из древнейших, обретенных гомининами структур психики и поведения, генетически надежно закрепленная в подкорковых структурах мозга и гормональной системе. Значит, когда-то это была групповая, достаточно частая практика, разумеется, с исключительно сильными, скорее всего, негативными эмоциями (и сейчас «слезы счастья» – редкое явление, воспринимаемое обычно как парадоксальное).

Добавим еще две важнейшие черты получившейся (и пока что абстрактной) реконструкции: «ничего нельзя сделать, чтобы исправить ситуацию» и «польза для группы». Плач, слезы, рыдания при всем разнообразии причин и проявления практически всегда выражают беспомощность, слабость, отчаяние, явную или неявную просьбу о помощи и/или участии. Ссылаясь на Гельмута Плесснера [7], Козинцев вполне правомерно трактует эмоциональный смысл плача:

«...плачущий человек инстинктивно и бессознательно *отказывается противостоять действительности* (выделено мной – Н.Р.), которая кажется ему слишком печальной, страшной, величественной или трогательной» [2, с. 162].

Блокирование действий как необходимый фактор групповых рыданий вполне понятно. Если видно, как можно кого-то или что-то спасти, исправить, помочь, избежать угрозы, покинуть опасное место и т.п., то люди ровно это и делают, тут не до плача. Нет сомнений, что гоминины, гораздо чаще нас попадавшие в опасные для жизни ситуации, спасали друг друга, особенно берегли детей, защищались от хищников, убегали, когда чувствовали, что враг сильнее, а с какого-то времени уже тушили пожары, укрывали себя и близких от холода и даже пытались лечить больных.

Когда же они безудержно рыдали? Собственно, в таких же трагических ситуациях, которые вызывают обычно плач и слезы у нас, –

когда умирают близкие, особенно родные, а среди родных – дети. Разница состоит в том, что гоминины сталкивались с такими несчастьями гораздо чаще и в гораздо более brutальной форме.

Когда антропологи, тем более авторы научно-популярных книг, пишут о наших далеких предках, они с гордостью (вполне оправданной) подчеркивают их растущие умственные способности, орудийный прогресс, координированные действия, дружную охоту и т. п. Почти не говорится о том, что гиены, шакалы, волки, леопарды утаскивали детей, свою дань собирали крокодилы, охота на крупных травоядных (от оленей, вепрей, диких коней, бизонов до носорогов и мамонтов) нередко приводила к тяжелым травмам и гибели самих охотников. Добавим сюда ядовитых змей, пауков, тарантулов, скорпионов, частые смерти от болезней, заражения крови, перегрева или переохлаждения.

Итак, плач – это изначально инстинктивный ответ на непреодолимую фрустрацию и стресс, когда любые действия по исправлению ситуации по тем или иным причинам блокированы.

Вероятно, остальные приматы, оставшиеся жить в джунглях, несколько меньше страдали от всех этих напастей, если судить по наблюдениям множества этологов за дикой жизнью современных шимпанзе и горилл. Но с гибелью и травмами родственников они точно сталкивались всегда. Почему же они не рыдают?

Роль интенциональности и самоодомашнивания

Первое объяснение состоит в том, что гоминины обрели совместную интенциональность – способность долго фокусировать коллективное внимание на объекте, переживать, передавать друг другу и тем самым усиливать общие эмоции. В трагических случаях потери близких такими чувствами были ужас и горе. Учтем, что группы жили, вероятно, большими семьями со структурой группового брака. Соответственно, все дети в группе были почти общими, а если истекал кровью и умирал взрослый одноплемянник, то для каждого и для каждой это был либо брат, отец, родной дядя, либо актуальный или прошлый сексуальный партнер.

Групповая помощь слонов, пожалуй, имеет близкие черты с совместной интенциональностью гоминин, например, когда несколько слоних пытаются вытащить слоненка из грязи. Их дружный рев при гибели детеныша также говорит о том, что самым умным и развитым млекопитающим доступны чувства совместного горевания. У гоминин и сапиенсов с их гораздо более разнообразными и сильными эмоциями такие чувства с взаимным усилением были сильнее, продолжались дольше и выражались более бурно.

Другим фактором интенсивных совместных рыданий стал целый комплекс социально-психологических следствий самоодомашнивания, ведущего к замедлению взросления. Педоморфизм как уподобление взрослых особей детенышам никогда не ограничивается только морфологией. Соответственно, взрослые гоминины хотя бы отчасти сохраняли детские любопытство, игривость, готовность к совместным занятиям и дружбе, привязчивость. Другой стороной всей этой «милоты» являются характерные именно для детей ужас и отчаяние от расставания с родными, тем более при виде их трагической гибели или получении в той или иной форме известия о ней.

Когда малышей не удержать от плача, приходится рыдать самим

Сам по себе призывной плач младенцев особого объяснения не требует. Этот инстинкт у гоминин еще более древний, чем процессы самоодомашнивания. Плач, наряду с прижиманием к матери, цеплянием, сосанием и улыбкой, является одной из врожденных форм поведения, помогающих младенцу удерживать взрослых в непосредственной близости. Такова поведенческая структура, эффективно обеспечивающая управление матерью, другими взрослыми, чтобы надолго не оставляли, кормили, создавали комфорт и развлекали. Невыносимость продолжительного детского плача («ора») каждый может оценить, особенно если

«посчастливилось» час или более провести в салоне самолета с таким неумным младенцем на соседних креслах.

В первые миллионы и сотни тысяч лет антропогенеза срок беспомощности младенцев и маленьких детей удлинялся, но это детское «оружие» не пропадало. Механизм прибавления слез к плачу до сих пор не слишком ясен. Изначально слезные железы работали для смачивания роговицы, а особенно интенсивно – при засорении глаз, чтобы соринки, песчинки, насекомые легче вымывались. Ученые правомерно связывают наполненные слезами глаза при их засорении или инфекции с беспомощным видом, вызывающим к защите и поддержке [4; 5; 7]. Разумеется, маленькие дети в такой ситуации всегда плакали. Этот плач и раньше был эффективным – взрослые пытались помочь. Такое долгое (сотни тысяч лет!) совмещение плача и слезоотделения с надежным положительным подкреплением привело к слиянию их в единую поведенческую структуру².

Нетривиальную и вполне здравую гипотезу предложил этолог Франц Роэс, который основывался на следующем наблюдении. Взрослые особи нескольких видов животных, оказавшись в ситуациях, которые они не могут контролировать, нередко начинают подражать беспомощности детенышей. При распространении на антропогенез соответствующая идея сформулирована так: «Люди в роли родителей в целом «запрограммированы» эволюцией к тому, чтобы помогать и защищать, когда они видят (и слышат) новорожденных. Поэтому, когда уже не младенцы нуждались в помощи, сходство их внешнего вида и поведения с новорожденными могло стать в некоторых важных точках филогенеза значимым для выживания и таким образом распространиться в человеческом роде» [9, с. 6].

С тем или иным успехом взрослые умирляли, удерживали и отучали от плача детей постарше. Однако при несчастных случаях – тяжелых травмах или гибели близких – детей уже было не унять. Вполне естественно, что тогда к ним

² Идею такого механизма подтверждает факт неочевидный, не всем известный, но прямо соответствующий биогенетическому закону Геккеля-Мюллера (онтогенез воспроизводит последовательность ста-

дий филогенеза): новорожденные рыдают без слез, которые начинают сопровождать плач лишь через несколько недель.

присоединялись и взрослые. Достаточно частая (см. выше о тяжелой доле гоминин) и предельно эмоционально напряженная практика непроизвольных совместных рыданий закономерно закреплялась в нервных структурах. Для фиксации уже на генном уровне, разумеется, требовался отбор, скорее всего, групповой, и к этой теме мы еще вернемся.

Ничто не мешало перенимать детский плач как поведенческую структуру по обоим каналам: через имитацию детской беспомощности для привлечения внимания, поддержки (по Роэсу), а также через прямое «заражение» от неуправляемого детского плача в ситуациях столкновений гоминин с несчастьями, которые не отменить и не преодолеть никакими действиями.

Когда же стал развиваться плач взрослых?

То, что плач и рыдания становятся поведенческой и психологической «доминантой» по А.А. Ухтомскому, приводят к конвульсивным движениям, прерывают дыхание, в той или иной степени блокируют, искажают речь, свидетельствует о древнейшем – доречевом – формировании этой структуры.

Хабилисы, получившие в руки рубила как летальное оружие, находились на пике борьбы со своими альфа-самцами. До крепких эмоциональных связей как следствий самоодомашнивания было еще далеко. Вряд ли хабилисы были способны в речевом плане на нечто большее, чем холофразы – одиночные протослова, узнаваемые, но без четкой фонетики; тогда еще не был перейден «языковой Рубикон» [3, с. 112-141]. Зато с этих пор обычай бурных совместных рыданий при гибели одноплеменника, особенно ребенка, вполне мог развиваться. В то время нервному, гормональному и голосовому взрыву ничего не мешало, поскольку нормативность, а с ней и волевое начало, способное управлять поведением, находились еще в самом начале эволюционного развития.

Около 1,6 млн. лет назад эректусы стали изготавливать весьма изощренные и трудоемкие орудия ашеля. Они не занимались бы этим, если бы полученный нож или наконечник тут же отобрал кто-то более сильный и нахрапистый. С

этого времени следует предполагать полную победу эгалитарных коалиций над альфа-самцами и установление базовой нормативности [3, с. 86-111]. Началось особенно впечатляющее развитие лобных долей, соответствующих волевым способностям. Протосапиенсы ок. 400-350 тыс. лет назад уже уверенно освоили огонь, умели его поддерживать, готовить на огне пищу. Соответственно, заботы росли и усиливалось волевое управление поведением. Однако более древние «подкорковые» поведенческие паттерны, такие как непроизвольный (дюшеновский) смех и плач, не исчезли. Тогда и были в основном сформированы эти поведенческие паттерны: смех и плач трудно и далеко не всегда успешно можно удерживать напряжением воли.

Групповая и индивидуальная «полезность» плача

Теперь, для завершения общей объяснительной модели, осталось ответить на дарвиновский вопрос: почему же «случайно» появившийся взрослый плач выжил и процветает по сию пору, несмотря на «бесполезность» и множественные попытки в разных культурах его искоренить, по крайней мере, у мужчин?

Как обычно, у древних и универсальных действующих поведенческих структур есть множество функций, как групповых, так и индивидуальных, которые возникали, развивались, наслаивались друг на друга в разные эпохи антропогенеза, дописьменной и письменной истории. Укажем только на основные и самые очевидные.

Групповая функция закономерно была древнейшей: совместные рыдания при таком несчастье, когда уже сделать ничего нельзя (ребенка задушили и утащили хищники, взрослого у всех на глазах искалечили, разодрали дикие звери) делают группу еще сплоченнее. При этом растет солидарность – готовность и моральный долг помогать друг другу, защищать слабых. Скорее всего, такие коллективные рыдания становились характерным, ситуативно возобновлявшимся поведением еще в доречевой стадии (до прохождения языкового Рубикона).

Оплакивание умерших во многих современных культурах восходит к этим древнейшим корням. Чем сильнее внутригрупповая солидар-

ность, тем успешнее группа, тем более интенсивны прочие ритуалы, тем привлекательнее эти образцы для соседних групп, тем скорее данная популяция ассимилирует или вытеснит другие популяции с менее солидарными группами. Такие функции плача, как снижение стресса и укрепление солидарности, хорошо известны: «...с давних времен совместные молитвы, плач и пение в ритуальных церемониях, даже если они не приводили к желаемому результату (например, к обращению к сверхъестественным агентам для обеспечения успеха в таких начинаниях, как охота и война, исцеление больных, предотвращение зла или обеспечение плодородия), приводили к снижению тревожности отдельных людей, а также к повышению социальной сплоченности [...]. Таким образом, обычный плач взрослых может оказывать влияние как на отдельных людей, так и на общество в целом» [11, с. 29].

По принципу причинности «извне–внутри» и подобно множеству других поведенческих структур групповые паттерны «спускались» на камерное и диалогическое (парное) взаимодействие, становились индивидуальными чертами.

Силу женских слез, пожалуй, объяснять не нужно, ведь она прямо происходит из требовательного детского плача. Не важно, в какой мере это бывают действительно «прорывающиеся» непровольные рыдания, а в какой – специальное приведение себя в такое страдательное и обиженное состояние, что последующие слезы и эмоции уже вполне «естественны». Здесь диапазон широк, а переходы между ступенями искренности/притворства обычно неуловимы даже для самой плачущей.

Судя по классическому эпосу, древние греки рыдали часто, со вкусом и ничуть не стыдились этого. Однако в большинстве вполне традиционных и современных культур мужские слезы, мягко говоря, не приветствуются («Что ты хнычешь, разнылся, как баба»), хотя допускаются и даже поэтизированы в особо торжественных случаях («скупая мужская слеза», «праздник со слезами на глазах»).

Известное половое различие в частоте плача [6; 11] объясняется не только разницей в современном воспитании мальчиков и девочек (как

принято считать среди приверженцев гендерного подхода). Следует учитывать также древнюю традицию репрессивного подавления слез мальчиков и юношей. Эти жестокие обычаи уходят вглубь времен – ко времени формирования сплоченных коалиций мужчин-охотников, допускавших в свои ряды только тех, кто прошел обряды инициации. Практически все эти обряды включали причинение боли, даже пытки, которые нужно было выдержать и не заплакать при этом.

Возникновение и динамика плача как взаимосвязь переменных

Чтобы добраться до специфики плача (рыдания, слез) именно как «прорывающегося» непровольного психофизиологического явления, воспользуемся двумя мыслительными инструментами: функциональной схемой Артура Стинкомба [10, с. 80-100] и понятийной конструкцией, которая включает заботы, обеспечивающие их структуры, установки и их связь с эмоциями [3, с. 48-69].

На рис. 2 показана упрощенная схема происхождения плача. Гомеостатическая переменная *H* (*Homeostatic*, круг с выделенным контуром) означает предметы самых значимых забот и установок, которые действительно можно ассоциировать с «привязанностью» (см. выше о теории Дж. Нельсон). Переменная является шкалой, в которой верхний полюс – максимальное благополучие, а нижний – несчастье и бедствие. Натяжки здесь необязательны, поскольку многообразие человеческих забот и установок беспредельно. Предмет каждой заботы рискует понести ущерб, разрушиться, исчезнуть, что приводит к той или иной степени стресса и может вылиться в плач.

Рассмотрим только самые главные, базовые социальные заботы, которые смело можно считать и самыми древними. Важно постоянно быть в безопасности, жить среди родных и близких, которые делятся с тобой едой, защищают и поддерживают. Важно самому делиться с ними, защищать младших и слабых, особенно своих детей, а также почти родных детей братьев и сестер.

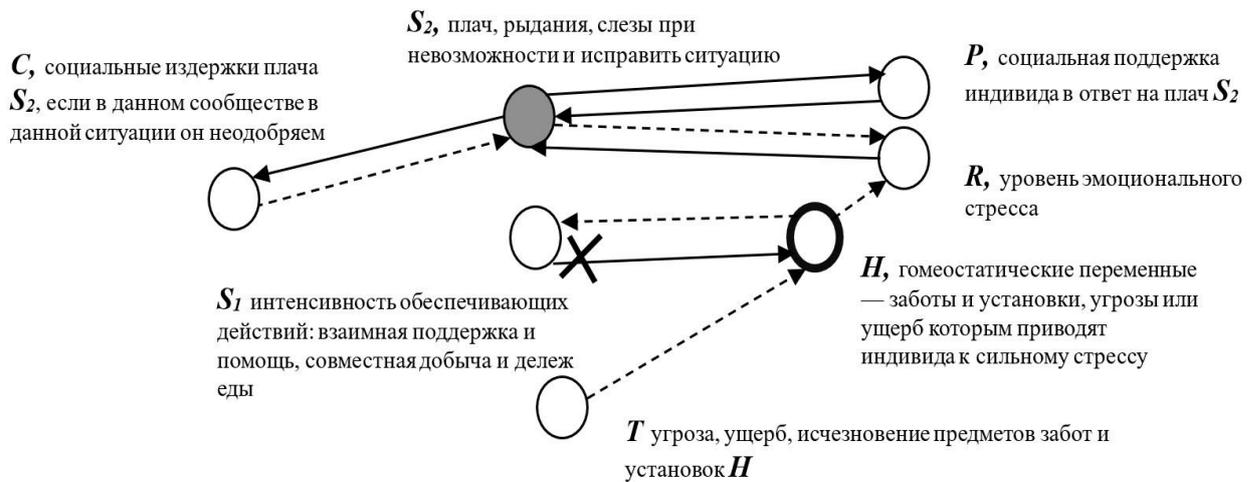

Рис. 2. Механизм возникновения, развития и регулирования плача, представленный как динамическая взаимосвязь переменных. Сплошные стрелки означают усиливающие связи, пунктирные – ослабляющие.

Соответствующие действия, практики отражены в переменной **S₁** – интенсивности структур (*Structure*), обеспечивающих заботы и установки **H**. Смерть близкого блокирует всю эту активность, направленную на восстановление благополучия, связанного с прошлой жизнью умершего и взаимодействием с ним. Рушатся заботы и установки, направленные на защиту и безопасность. В каком-то смысле весь мир меняется – в той мере, насколько большую роль в нем занимал умерший. Несчастье приводит к сильнейшему стрессу **R** (*stRress*), который вызывает плач как компенсаторную поведенческую структуру **S₂**. (заштрихованный круг). Она не восстанавливает благополучие, но снижает уровень стресса, особенно когда плач общий. Известно, что нежелание плакать или подавление слез может иметь серьезные негативные последствия для здоровья [6; 11].

Парадоксальные «слезы счастья» Джудит Нельсон объясняет тем, что любое кардинальное изменение жизненной ситуации приводит к каким-то потерям, т.е. нарушению все той же «привязанности».

Схема связей позволяет объяснить такое явление проще, без искусственных натяжек. Любые серьезные угрозы заботам и установкам **H**, а также ожидания и тревоги относительно будущего успеха, выигрыша повышают уровень

стресса **R**. Крупное поворотное событие, хоть позитивное (прошел испытание, получил желанное наследство, все-таки вышла замуж, близкий человек выжил после операции), хоть негативное (провалил экзамен, наследство ушло другим, жених не явился на бракосочетание, близкий человек не перенес операцию) производит некое «переключение» в уже перенапряженной психике. Оно активизирует поведенческую структуру плача **S₂**, особенно, если она использовалась ранее и уже находилась в состоянии «наготове».

Родные и самые близкие к умершему, страдания которых явлены в плаче, могут рассчитывать на эмоциональную и иную поддержку окружения **P** (*suPport*). Здесь видим положительную обратную связь, которая объясняет совместные и взаимоусиливающие рыдания. Таков детский «протестный плач» с характерными громкими, настойчивыми и весьма раздражающими криками – попытка переломить ситуацию и восстановить утрату [6, с. 36-38]. Поскольку чаще всего взрослые приходят на помощь, данная реакция закрепляется и усиливается. Взрослая истерика имеет сходную природу, но здесь процессы могут развиваться в разные стороны, как в плане социального взаимодействия, так и в плане психического здоровья.

Как и любая другая активность, структура плача имеет издержки C (*Costs*). Соответственно, возникли социальные нормы, регулирующие силу и продолжительность стенований, либо вовсе их запрещающие (обычно у юношей и мужчин). Левая часть схемы на рис. 2 отражает неизбывную конфликтность между нормами сдерживания плача (в том числе внутренними, интериоризированными) и неудержимыми рыданиями, слезами, а также между участниками взаимодействия³.

«Протестный плач часто порождает обиду и заставляет друзей и близких отступить, вместо того чтобы вызвать сострадание. Кто может испытывать сострадание, когда на него или нее нападают? Кому захочется протянуть руку помощи, когда он или она чувствует, что на него или нее давят, чтобы уступить? Протестный плач ответственен за большинство межличностных трудностей, связанных с плачем. Своим горьким, критическим, а иногда и обвинительным тоном протестный плач часто отталкивает людей. Они могут испытывать обиду на плачущего или критиковать то, что им кажется уловкой, направленной на получение внимания или контроля» [6, с. 37].

Джудит Нельсон выделяет также приглушенный «печальный плач», направленный на получение эмоциональной поддержки, на установление новых связей привязанности после утраты.

«Мы чувствуем себя опустошенными и разбитыми; холодная физическая боль проникает в каждую мышцу, кость и фибру нашего тела. Затем нас захлестывает волна горя, и мы плачем

слезами другого рода. Когда мы плачем в отчаянии из-за повседневных потерь, мы признаем, что счастливый конец, воссоединение или примирение невозможны. Наши мольбы и протесты не сработали, наши усилия провалились; потери не избежать» [6, с. 38].

Такой плач сигнализирует о состоянии беспомощности. Как правило, он вызывает сочувствие и сопереживание.

Далеко не каждый громкий плач со слезами является «протестом», «приказом» или «мольбой о помощи». Многие типы поведения, бывшие изначально совместными, социальными, превращаются в индивидуальные черты. Плачут наедине без какой-либо направленности на сочувствие, участие, поддержку. Здесь взаимодействие переменных ограничивается ущербом для заботы или установки H , плачем как компенсаторной структурой S_2 при блокировании действий и уровнем стресса R .

Итак, человеческий плач имеет древние эволюционные и социальные корни, включает бессознательные механизмы с врожденными нейронными и генетическими основами. Несмотря на обширное культурное разнообразие этого феномена, а также на нередкие и весьма жесткие запреты, плач остается универсальным поведенческим паттерном для всех эпох, обществ и культур. Реконструкция эволюционных истоков этого феномена в антропогенезе позволяет связать его с другими явлениями, приблизиться к пониманию природы, функциональности, социальных и психологических механизмов плача.

Литература:

1. Дарвин Ч. О выражении эмоций у животных и человека. СПб: Изд-во Питер, 2001.
2. Козинцев А.Г. Язык – реальность – игра – смех: Антропологические фрагменты. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2024.
3. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск: Изд-во Манускрипт, 2022.

³Вспомнив о концепции А.Г. Козинцева относительно «антикультурной» протестности плача, можно заметить, что любое невольное или намеренное демонстративное нарушение сдерживающих или запрещающих плач норм является протестом отнюдь

не против культуры, а только против социальной группы и установленного нормативного, скорее всего, репрессивного порядка, мешающего вволю выплакаться.

4. Murube, J., Murube, L., Murube, A. Origin and types of emotional tearing // *European Journal of Ophthalmology*. 1999.V. 9. Pp. 77-84.
5. Murube J. Hypotheses on the development of psychoemotional tearing // *The Ocular Surface*. 2009. V. 7. Pp. 171-175.
6. Nelson J.K. *Seeing Through Tears: Crying and Attachment*. New York: Routledge, 2005.
7. Plessner H. *Laughing and Crying*. Evanston: Northwestern University Press, 1970.
8. Provine R.R. Emotional tears and NGF: a biographical appreciation and research beginning // *Archives Italiennes de Biologie*. 2011. V. 149. Pp. 269-274.
9. Roes F.L. On the origin of crying and tears // *Human Ethology Newsletter*. 1989. V. 5. Pp. 5-6.
10. Stinchcombe A. *Constructing Social Theories*. The University of Chicago Press, 1987.
11. Vingerhoets A. *Why Only Humans Weep: Unraveling the Mysteries of Tears*. Oxford University Press, 2013.

THE EVOLUTIONARY ORIGIN OF CRYING

© Nikolai S. Rozov

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia,
nrozov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

The article discusses the problems of the evolutionary origin as well as the functionality or non-functionality of human crying and related phenomena (sobbing, tears, depressive states, despair). It is shown that crying is specific to our species, although some similar phenomena in higher mammals point to the oldest components of this behavioral structure in the prehuman past. The limitations of the simplest explanations of crying as an expression of emotion and psychological release are demonstrated. The concepts of the mechanism of crying, its underlying causes, crying as a "protest against speech and culture" are critically analyzed. Crying as a behavioral structure common to all human populations, with its genetic basis, appeared and developed in hominins at certain stages of anthropogenesis. The role of joint intentionality, self-domestication and pedomorphism, widely discussed in the theory of anthropogenesis, is shown. The main typical situations and ingredients of the emergence of this structure are reconstructed, a model of its functionality is constructed, and sex differences in this aspect are explained.

Keywords: crying, tears, sobbing, depression, origin of crying, anthropogenesis, paleopsychology, emotional states, joint intentionality, self-domestication

REFERENCES

1. Darwin Ch. (2001). O vyrazenii emotsij u животnykh i cheloveka [*The expression of the emotions in man and animals*]. Saint Petersburg: Peter.
2. Kozintsev A.G. (2024). Yazyk – real'nost' – igra – smekh: antropologicheskie fragmenty [*Language – reality – game – laughter: Anthropological fragments*]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur.
3. Rozov N.S. (2022). Proishozhdenie jazyka i soznaniya. Kak social'nye porjadki i kommu-nikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti [*The Origin of Language and Consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities*]. Novosibirsk: Manuscript.

4. Murube J., Murube L., Murube A. (1999). Origin and types of emotional tearing // *European Journal of Ophthalmology*. V.9. Pp.77-84.
5. Murube J. (2009). Hypotheses on the development of psychoemotional tearing // *The Ocular Surface*, V.7. Pp. 171-175.
6. Nelson J.K. (2005). *Seeing Through Tears: Crying and Attachment*. New York: Routledge.
7. Plessner H. (1970). *Laughing and Crying*. Evanston: Northwestern University Press.
8. Provine R.R. (2011). Emotional tears and NGF: a biographical appreciation and research beginning // *Archives Italiennesde Biologie*. V. 149. Pp. 269-274.
9. Roes F.L. (1989). On the origin of crying and tears // *Human Ethology Newsletter*. V.5. Pp. 5-6.
10. Stinchcombe A. (1987). *Constructing Social Theories*. The University of Chicago Press.
11. Vingerhoets A. (2013). *Why Only Humans Weep: Unraveling the Mysteries of Tears*. Oxford University Press.